

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902»638»(571.1)

ББК 63.442.7(253.3)

Сопроводительные захоронения лошадей в погребальном обряде населения быстрианской культуры Алтая скифо-сакского времени*

С.С. Радовский, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Accompanying Burials of Horses in the Funeral Rite of the Population of the Bystryanka Culture of Altai in the Scythian-Saka Time

S.S. Radovsky, N.N. Seregin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Представлены результаты изучения одного из элементов обрядовой практики населения быстрианской археологической культуры — традиции устройства сопроводительных захоронений лошадей рядом с погребением человека. Проведен анализ материалов раскопок всех известных некрополей северных предгорий Алтая скифо-сакского времени с привлечением сведений о комплексах «ранних» кочевников на сопредельных территориях. Несмотря на известную ограниченность источниковой базы, в том числе связанную с тем, что большинство объектов были граблены, имеющихся данных оказалось достаточно для обозначения ключевых характеристик конских захоронений, совершенных носителями быстрианской культуры. Установлено, что одна лошадь или несколько животных находились в 59 объектах, изученных на 18 могильниках, что составляет около трети учтенных комплексов. Как правило, конь помещался на приступке справа от умершего человека, параллельно ему и был ориентирован в тот же сектор горизонта, что и погребенный, чаще всего в западном направлении. Фиксация на лошадях элементов конского снаряжения, вероятно, отражает ключевую «транспортную» функцию животных в ритуальной практике древнего населения.

Ключевые слова: быстрианская культура, Алтай, археологические памятники, захоронение лошади, погребальный обряд, скифо-сакское время.

The article presents the results of the study of one of the elements of the ritual practice of the population of the Bystryanka archaeological culture — the tradition of arranging accompanying burials of horses to a person's burial. The analysis of materials from excavations of all known necropolises of the northern foothills of Altai of the Scythian-Saka time with the involvement of information about the complexes of «early» nomads in adjacent territories is carried out. Despite the known limitations of the source base, including those associated with the robbery of most of the objects, the available data turned out to be sufficient to indicate the key characteristics of horse burials made by the population of the Bystryanka culture. It was found that one horse or several animals were in 59 objects studied at 18 burial grounds, which is about a third of the recorded complexes. As a rule, the horse was placed on the step to the right of the deceased person, parallel to it and was oriented in the same sector of the horizon as the deceased, most often in the western direction. The fixation of elements of equipment on horses probably reflects the key «transport» function of animals in the ritual practice of the ancient population.

Key words: the Bystryanka culture, Altai, archaeological sites, burial of a horse, funeral rite, the Scythian-Saka time.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)2-12

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»).

Введение

Сопроводительные захоронения лошадей являются одной из показательных черт погребальной практики кочевников Алтая раннего железного века и Средневековья. Данная особенность обряда впервые фиксируется на рассматриваемой территории у номадов раннескифского времени и существовала до эпохи Средневековья, при этом демонстрируя различные традиции [1, с. 121–122; 2, с. 43–49; 3, с. 144–150; 4, с. 11–17; 5, с. 58–62, 116–119].

К числу общностей, обычая которой предполагали помещение коней в могилу, относится быстрианская археологическая культура северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. В настоящее время на обозначенной территории исследована довольно представительная серия памятников, отражающих различные аспекты истории рассматриваемой группы населения. Опыт разноплановой интерпретации практики устройства захоронений лошадей в ритуале носителей быстрианской культуры продемонстрирован в серии работ археологов [6, с. 84–85; 1, с. 134–136; 7, с. 56–58; 8, с. 16–18]. При этом целостного осмысления данного элемента обряда не предпринималось. В настоящей статье приведены результаты систематизации и анализа традиции помещения коней в могилу рядом с умершим человеком с учетом всех известных материалов раскопок комплексов быстрианской культуры, а также с привлечением итогов исследований некрополей «ранних» кочевников на сопредельных территориях.

Источники и материалы

Погребения с конем, в настоящее время относимые к быстрианской культуре Алтая, впервые были исследованы в 1925 г. Серия таких объектов раскопана экспедицией Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко и при участии М.П. Грязнова на комплексах Бийск-I-II и Сростки-II. На обозначенных памятниках в общей сложности изучены 15 могил с лошастью [9, с. 89–93; 10, с. 28–30; 11, с. 51–52].

В 1929 г. сотрудниками Бийского краеведческого музея С.М. Сергеевым и М.Д. Копытовым проводились исследования могильника Каменка (Красный Яр) [12, с. 292]. Одним из результатов работ стали два раскопанных кургана, в которых выявлены сопроводительные конские захоронения [13, с. 108]. В 1930 г. С.М. Сергеев продолжил раскопки на обозначенном памятнике, что позволило зафиксировать еще одно такое погребение [14, с. 101–102]. В том же году обозначенным ученым в рамках экспедиции Общества изучения Сибири осуществлены раскопки двух могил с лошадьми на некрополе Быстрианка [15, с. 62–63]. В 1935 г. Саяно-Алтайской экспедицией, в которой приняли участие С.М. Сергеев и А.П. Марков, на данном комплексе исследован еще один курган, под которым выявлено погребение с конем [16, с. 90]. В 1937 г.

А.П. Марковым подобный объект раскопан на памятнике Солоновка [17, с. 129–130].

Дальнейшее расширение источниковой базы для исследования традиции сопроводительных захоронений лошадей в обрядовой практике населения быстрианской культуры было связано с работами экспедиций под руководством местных специалистов. Один такой комплекс раскопан в 1962 г. Б.Х. Кадиковым на некрополе Тесьпа [18, с. 64–67]. В 1978 г. А.П. Уманским изучены три погребения с конем на могильниках Юбилейный-II, III (Точка-I, II) [6, с. 80–83].

Определенный вклад в исследование комплексов быстрианской культуры внесли работы экспедиций Алтайского государственного университета. В 1979 — начале 1980-х гг. Бийским отрядом проведены раскопки памятника Аэродромный, в ходе которых выявлены три захоронения с лошастью [19, с. 77–83; 20, с. 152]. Четыре кургана скифо-сакского времени, включавшие погребение с конем, изучены М.Т. Абдулганеевым [21, с. 52–53] на некрополе Енисейское-IV в 1991 г. В этот же период А.Л. Кунгуровым в составе памятника Маяцкие Бугры раскопано еще одно такое захоронение [20, с. 154; 22, с. 115–117].

Представительная серия погребений быстрианской культуры исследована в середине 1980-х — 1990-х гг. С.М. Киреевым, осуществлявшим масштабные раскопки памятников различных хронологических периодов в составе Майминского археологического комплекса. Так, на некрополе Майма-VII обнаружены 10 могил с сопроводительным захоронением лошади [23, с. 53–57; 24, с. 55–56; 25, с. 86–91; 26, с. 163–168]. Еще шесть погребений с конем зафиксированы в материалах могильника Майма-XIX [27, с. 39–43].

Исследования памятников быстрианской культуры осуществлялись также экспедицией Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость». В 1990-х гг. Н.А. Кузнецовым и Ю.В. Шириным раскопан один курган некрополя Степной Чумыш-III, содержащий погребение с конем [28, с. 130–133]. В этот же период Ю.В. Шириным [29, с. 28–34] изучены две могилы скифо-сакского времени с сопроводительным захоронением лошади на памятниках Кузнецк 1/4 и Кузнецк 1/5. В 2006–2008 гг. обозначенной экспедицией зафиксированы еще два подобных комплекса на могильнике Первомайский [30, с. 133–136; 31, с. 346–349].

Несмотря на заметное снижение интенсивности полевых работ в северных предгорьях Алтая, в последние годы получены новые материалы, демонстрирующие общие и особенные характеристики традиции устройства сопроводительных захоронений лошадей населением скифо-сакского периода. В 2014–2015 гг. совместной экспедицией Барнаульского юридического института

и Алтайского государственного университета два таких объекта раскопаны на памятнике Каменка (Красный Яр) [32, с. 103–109; 33, с. 126–132]. В 2017 г. сотрудниками Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай зафиксировано одно погребение с конем на комплексе Майма-VII [34, с. 486–487].

В результате обозначенных исследований, реализованных экспедициями из различных научных, образовательных и музейных центров, к настоящему времени сформирована довольно представительная серия погребений с конем, относящихся к быстрянской культуре. Анализ этих материалов позволяет рассматривать роль лошади в обрядовой практике населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, а также значение данного показателя ритуала для исследования этногенетических и социокультурных процессов в регионе в данный период.

Анализ материалов

В рамках работы по изучению погребального ритуала населения быстрянской культуры авторами статьи учтены 196 могил (100%), раскопанных в северных предгорьях Алтая. Сопроводительные захоронения лошадей выявлены в 59 (30,1%) объектах, изученных на 18 некрополях*. Таким образом, животное находилось в трети исследованных погребений.

Ранее уже неоднократно отмечалось, что могилы с сопроводительным захоронением лошади изучены неравномерно на разных некрополях быстрянской культуры [20, с. 155; 26, с. 164]. Так, на могильнике Бийск-I из 17 раскопанных погребений 12 (70,6%) содержали останки коней. В материалах памятника Майма-XIX данный показатель еще выше — шесть (85,7%) могил с лошадью из семи раскопанных. Также довольно часто (в 54,1% случаев) рассматриваемая черта обрядности фиксируется на некрополе Енисейское-IV. При этом на памятнике Первомайский только два исследованных погребения (10%) из 20, а на могильнике Аэродромный три (23,1%) из 13 захоронений включали сопроводительное захоронение рассматриваемого животного. Следует отметить, что комплексы ряда некрополей, предположительно относимые к быстрянской культуре (Березовка-I, Майма-VI, Суртайка-I, Точилинский Елбан, Чултуков Лог-I и др.), вовсе не демонстрировали указанного элемента обрядо-

* Приведенная статистика сформирована без учета большинства раскопанных погребений некрополя Майма-VII, остающихся практически не опубликованными. По свидетельству автора раскопок [26, с. 164], из 218 захоронений данного могильника только в 10 (4,6%) зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей. Использование этих данных позволяет несколько скорректировать обозначенную ситуацию — 59 (15,1%) могил с конем из 390 объектов быстрянской культуры.

вой практики, из-за чего некоторыми исследователями были высказаны сомнения в принадлежности этих могильников к рассматриваемой общности [35, с. 286; 8, с. 17–18].

Важно отметить, что практически все погребения с лошадью, относимые к быстрянской археологической культуре, являются ограбленными (56 из 59 известных могил). По этой причине часть информации о рассматриваемых комплексах утрачена. Вместе с тем сформированных сведений оказалось достаточно для обозначения основных характеристик сопроводительных захоронений коней в обрядовой практике населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени.

Анализ имеющихся материалов показывает, что в большинстве случаев лошадь помещалась в мужские погребения (16 могил) (рис. 1).

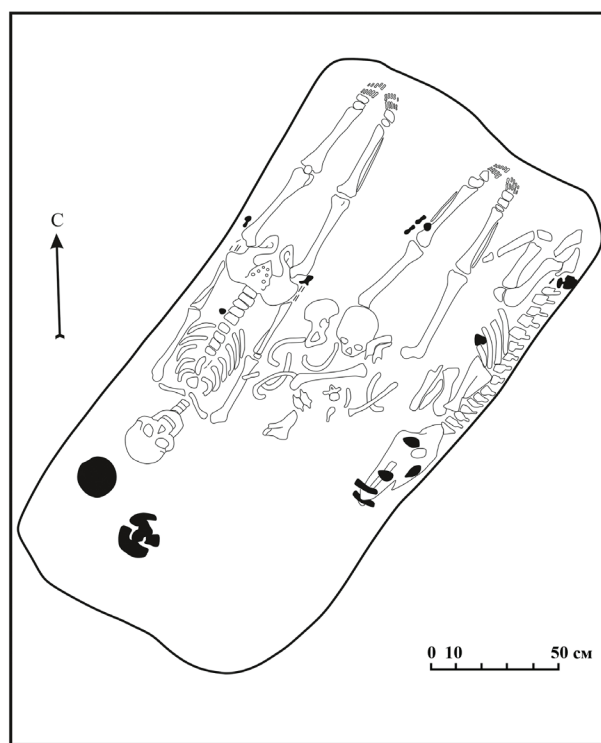

Рис. 1. Комплекс Бийск-I, курган 12 (см.: [9, рис. 1.-II])

Гораздо реже данный элемент обряда фиксируется в женских (6) и детских (2) захоронениях. Возраст умерших мужчин, рядом с которыми находился конь, чаще всего определялся рамками 35–50 лет. Для погребенных женщин данный показатель значительно ниже — 16–25 лет. Следует признать, что отмеченные показатели весьма предварительны и требуют проверки — приведенные немногочисленные половозрастные определения были осуществлены главным образом в первой половине XX в., в том числе без участия профессиональных антропологов.

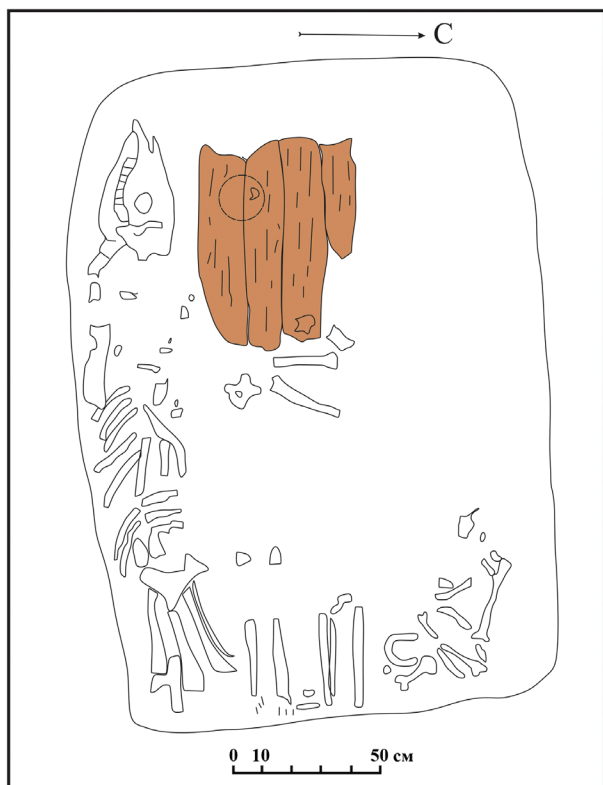

Рис. 2. Комплекс Степной Чумыш-III, курган 2 (см.: [28, рис. 3.-1])

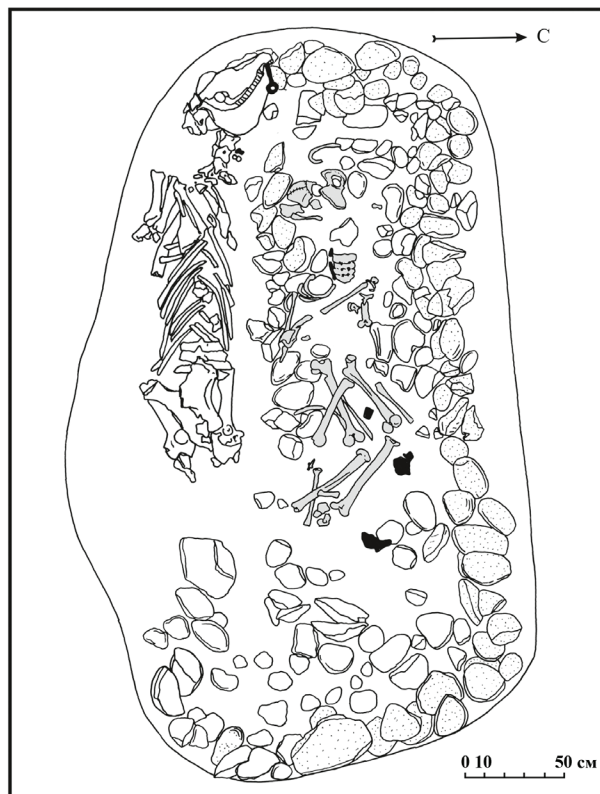

Рис. 4. Комплекс Каменка, погребение 2 (см.: [32, с. 105])

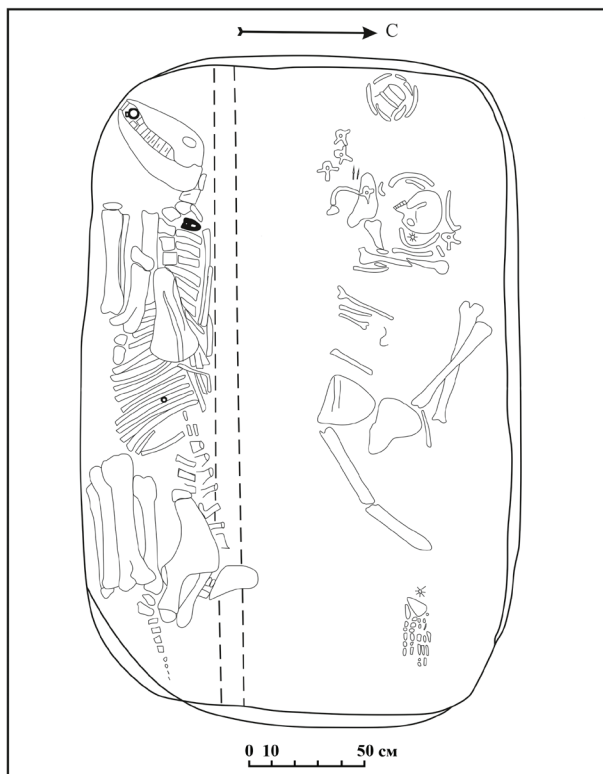

Рис. 3. Комплекс Майма-VII, курган 27 (см.: [25, с. 89, рис. 2])

Лошади находились, как правило, в одиночных погребениях (52 объекта) (Аэродромный, могилы 6, 11, 12; Майма-XIX, курганы 1-6; Тесьпа и др.) (рис. 3-4). Гораздо реже останки коней зафиксированы в коллективных захоронениях: четыре могилы с двумя умершими (Бийск-I, курганы 6, 12; Кузнецк 1/5, могила 1; Степной Чумыш-III, курган 2) (рис. 1-2) и по одному с четырьмя (Бийск-I, курган 10) и пятью людьми (Кузнецк 1/4, могила 3). Наиболее частым является помещение в погребение одной лошади (51 объект). В четырех случаях встречены два коня (Енисейское-IV, курган 2; Майма-XIX, курган 5; Сростки-II, курган 2), дважды встречены три особи (Бийск-II, курган 2; Кузнецк 1/4, могила 3).

Судя по имеющимся сведениям, в погребениях быстринской культуры в большинстве случаев лошадь располагалась на «приступке» (рис. 1, 3), образованной в результате сохранения ступеньки из материкового грунта или при последующей подсыпке земли. Несмотря на то, что такое внутримогильное сооружение достоверно зафиксировано только в 19 погребениях (Енисейское-IV, курганы 1, 3; Каменка, курган 12; Майма-XIX, курганы 1-6 и др.), указание в ряде работ на то, что кости коня обнаружены выше человека (Бийск-I, Бийск-II и др.), предоставляет основания для предположения о гораздо большем распространении таких объектов. Другим вари-

антом оформления сопроводительного захоронения животного у населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени являлся подбой для лошади, выявленный в трех случаях (Аэродромный, могила 11; Енисейское-IV, курган №1; Бийск-I, курган 4). Следует отметить, что рассматриваемая конструкция могла представлять собой не «классическую» боковую нишу, а расширение одной из стенок могильной ямы.

В традициях носителей быстрианской культуры лошадь практически всегда укладывалась справа от умершего человека. Зафиксированные исключения связаны с проблематичностью фиксации данного элемента обряда в разрушенном объекте либо выявлены в редких по характеристикам комплексах (в одном случае обнаружено коллективное захоронение, в котором животные находились с обеих сторон от людей). При рассмотрении устройства захоронения лошади в определенной части могильной ямы относительно человека обряд выглядит более разнообразным. Это объясняется различной ориентировкой умерших людей, параллельно которым практически всегда укладывалась лошадь [36, с. 83–94]. Из проанализированных захоронений только у 37 животных зафиксировано расположение в конкретной части могилы. Преобладало размещение коня с юга от человека (28 особей) (рис. 2–4). С юго-востока от умершего уложены семь лошадей (рис. 1, 5), с востока — четыре. В двух погребениях, включающих трех животных, сопроводительные захоронения совершены в северной части ямы (северо-запад — две особи, север — одна). Оба обозначенных комплекса исследованы на территории Кузнецкой котловины и отличаются своеобразием черт обрядовой практики. Отметим, что расположение лошадей относительно человека с севера более характерно для пазырыкской культуры скифо-сакского времени Горного Алтая и для майэмирской культуры раннескифского периода северо-западных предгорий Алтая и Восточного Казахстана [1, с. 121–122; 4, с. 15–16].

Ориентировка в определенный сектор горизонта установлена для 39 лошадей. Более чем в половине случаев (21 могила) животное было уложено головой на запад (рис. 2–4). Очевидно, отклонением от данного направления обусловлена ориентировка коней на юго-запад (девять захоронений) (рис. 1, 5), запад-юго-запад (пять объектов), запад-северо-запад (два случая). Остальные варианты ориентировки животных являются единичными. Практически всегда конь уложен в том же направлении, что и умерший человек. Только в двух объектах отмечена противоположная ориентировка животного (Аэродромный, могила 11; Енисейское-IV, курган 4), однако высокая степень ограбленности обозначенных комплексов оставляет вопросы к данной трактовке рассматриваемого элемента обряда.

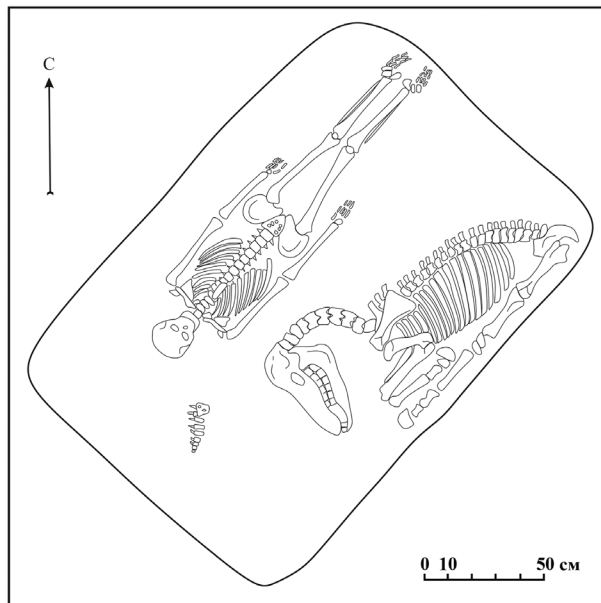

Рис. 5. Комплекс Аэродромный, могила 12 (реконструкция погребения) (см.: [20, рис. 5.-1])

Положение лошадей в комплексах быстрианской культуры отличается некоторой вариабельностью. При этом в большинстве случаев (15 могил) животное было уложено на левый (9) (рис. 1) или правый (6) бок (рис. 3, 5). В позе «на животе» обнаружены 12 коней (рис. 2, 4). Вероятно, придание лошади определенного положения в могиле не входило в круг обязательных элементов обряда и зависело от размеров ямы.

В тех случаях, когда в могиле была сооружена погребальная камера для человека (рама, деревянный ящик, сруб и др.), лошадь находилась за пределами такой конструкции (рис. 4). В ряде могил, где не выявлено подобных сооружений, конь был отделен обкладкой из камней (Майма-ХІХ, курган 2), поставленной на ребро плахой (Первомайский, курган 44) или грунтовой перемычкой (Майма-VII, курган 27) (рис. 3). Данная черта обрядовой практики населения быстрианской культуры демонстрирует определенную обособленность захоронения человека от животного, фиксируемую на Алтае уже в раннескифское время (положение в разных ямах). Отметим, что традиция отделения умершего человека от находившейся рядом лошади, а также помещения животного выше или ниже погребенного, получившая распространение в ритуале многих общностей Алтая и сопредельных территорий раннего железного века и Средневековья, может иметь различные варианты интерпретации [37, с. 75–76; 38, с. 20–22; 39, с. 245–247].

Нет сомнений в том, что лошадь занимала особое место в религиозно-мифологической системе народов скифо-сакского времени. Довольно фрагментар-

ные материалы раскопок некрополей быстрянской культуры позволяют с определенной степенью уверенности рассматривать одну из возможных символических функций животного в обрядовой практике — благоприятный переход умершего человека в загробный мир. Вероятно, для достижения этой цели конь в большинстве случаев помещался в могилу взнузданным и оседланным. Различные элементы снаряжения лошади зафиксированы в 35 погребениях рассматриваемой общности. При этом не исключено, что в ряде объектов такие предметы изначально были положены, но не сохранились.

Сложение традиции устройства сопроводительного захоронения лошади непосредственно связано с процессами генезиса быстрянской культуры. Вероятнее всего, истоки данного элемента ритуала у обозначенной группы населения следует искать в обрядовой практике общностей раннескифского времени — бийкенской культуры Горного Алтая, а также одной из групп населения майэмирской культуры северо-западных предгорий Алтая и прилегающих районов Казахстана. Известна точка зрения ряда исследователей о том, что в формировании быстрянской культуры приняли участие ранние «пазырыкцы», традиции которых также предполагали помещение лошади в захоронение [6, с. 84–85; 40, с. 105–106]. Следует отметить, что в настоящее время преобладает точка зрения о синхронном сложении пазырыкской и быстрянской общностей [41, с. 34; 8, с. 18]. Возможно, данные группы населения сформировались при участии носителей традиции устройства сопроводительного захоронения лошади раннескифского времени Алтая (бийкенская и майэмирская культуры) [42, с. 248–250]. В связи с этим часть исследователей считают «пазырыкцев» и «быстрянцев» родственными группами населения [43, с. 382; 8, с. 18].

Очевидно, что решение дискуссионных вопросов генезиса быстрянской культуры требует дальнейших целенаправленных исследований, предполагающих получение новых материалов и их детальный анализ с использованием комплекса современных методов. На данном этапе работы целесообразно привести ряд общих и особенных характеристик, демонстрирующих сходства и различия традиций рассматриваемой общности с носителями других культур Алтая.

С населением майэмирской и пазырыкской культур «быстрянцев» сближает расположение лошади и человека, преимущественно в одной могиле, и размещение животного на приступке. Размещение коня с юга, востока и юго-востока находит аналогии в некрополях бийкенской культуры; при этом в материалах Горного Алтая раннескифского времени получила распространение практика устройства погребений человека и животного в разных камерах или ямах. Почти во всех комплексах рассматриваемых

общностей лошадь ориентирована в одну сторону с умершим.

Наличие в погребениях значительного количества деталей конского снаряжения, размещенных собственно на лошади, сближает быстрянскую культуру с бийкенской общностью предыдущего периода и «пазырыкцами» скифо-сакского времени, и является одним из отличий от майэмирской культуры конца IX — начала VI вв. до н.э., где детали сбруи часто укладывались отдельно.

Близкие значения демонстрирует такой показатель, как степень распространения захоронений лошадей в погребениях носителей разных культур Алтая раннего железного века. Помещение коня в могилу отмечено для 37,7% погребений пазырыкской культуры, 25% объектов «бийкенцев» и 17,3% комплексов булан-кобинской общности [3, с. 144; 5, с. 59]. Частота фиксации лошадей в могилах быстрянской культуры сопоставима с приведенными значениями, серьезным образом отличающимися от показателей, характерных для носителей многих других культур скифской эпохи и более позднего времени на сопредельных территориях.

Заключение

Известная фрагментарность материалов раскопок некрополей быстрянской культуры, и в особенности могил с лошастью, большая часть которых ограблена, определяет предварительный характер заключений, связанных с интерпретацией сопроводительных захоронений лошадей. Вместе с тем анализ имеющихся материалов позволил представить ключевые характеристики данного элемента обряда в традициях населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Установлено, что лошади находились в трети раскопанных комплексов быстрянской культуры. Как правило, один конь помещался на приступке справа от умершего человека, параллельно ему и был ориентирован в тот же сектор горизонта, что и умерший, чаще всего в западном направлении. Фиксация на лошадях элементов конского снаряжения, вероятно, отражает ключевую «транспортную» функцию животных в ритуальной практике древнего населения.

Возможности дальнейшего изучения рассматриваемого элемента обряда населения быстрянской культуры связаны как с проведением полевых исследований, направленных на получение новых материалов, так и с комплексным анализом уже сформированных данных. В частности, большое значение имеет детализация хронологии некрополей северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, что позволит проследить возможную динамику традиций. Весьма перспективным представляется морфологическое изучение остеологических остатков лошадей из погребений и последующее сопоставле-

ние результатов этих изысканий с данными, полученными по материалам из памятников других общностей скифской эпохи. Определенные результаты могут быть получены в рамках социального анали-

за комплексов быстрианской культуры, предполагающего уточнение значения лошади как показателя прижизненного статуса умерших людей.

Библиографический список

1. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989.
2. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
3. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.
4. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул, 2008.
5. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2016.
6. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы раннего железного века на Чумыше // Краткие сообщения института археологии. 1981. Вып. 167.
7. Киреев С.М. Погребения быстрианской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992.
8. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и верхнем Приобье. Ч. II. Новосибирск, 2015.
9. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Л., 1961.
10. Завитухина М.П. Второй Бийский могильник // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. XXII.
11. Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки-II на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXVII. 1966.
12. Сергеев С.М. О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае // Советская археология. 1946. №8.
13. Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. 4. Горно-Алтайск, 1999.
14. Абдулганеев М.Т. Могильник Красный Яр (по раскопкам 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999.
15. Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрианского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 8. Л., 1966.
16. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16.
17. Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул, 1996.
18. Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
19. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.
20. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
21. Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992.
22. Кунгуров А.Л. Погребальные комплексы быстрианской культуры на Чумыше // Проблемы охраны и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995.
23. Киреев С.М. Охранные раскопки памятников на Майминском археологическом комплексе // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
24. Киреев С.М. Охранные раскопки памятников Майминского археологического комплекса // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
25. Киреев С.М., Чевалков С.Ю. Курган позднего этапа быстрианской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.
26. Киреев С.М. Погребение лошадей на могильнике быстрианской культуры Майма-VII // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2020. Вып. 6.
27. Киреев С.М. Курганы Майма-XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
28. Кузнецов Н.А. Раскопки кургана конца I тысячелетия до н.э. на р. Чумыш // Кузнецкая старина. Вып. II. Новокузнецк, 1994.
29. Шишин Ю.В. Погребальные памятники раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Вып. VI. Новокузнецк, 2004.

30. Ширин Ю.В. Начало исследования курганной группы Первомайская // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул, 2007.
31. Ширин Ю.В. Продолжение исследования курганной группы Первомайская // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVII. Барнаул, 2009.
32. Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В. Исследование погребального комплекса быстрианской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015.
33. Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В. Новые исследования погребений быстрианской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016.
34. Телеков Г.С. Работы на территориях Онгудайского и Майминского районов // Археологические открытия 2017 года. М., 2019.
35. Абдулганеев М.Т. О компонентах сложения быстрианской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001.
36. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Ориентировка погребённых в некрополях быстрианской культуры северных предгорий Алтая (скифо-сакское время) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, №4.
37. Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
38. Дашковский П.К. Лошадь в религиозно-мифологической системе номадов Горного Алтая VI–II вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 2003.
39. Очир-Горяева М.А. Роль коня в погребальном обряде евразийских кочевников скифской эпохи // Филология и культура. 2014. №2.
40. Троицкая Т.Н. Культуры скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
41. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013.
42. Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
43. Абдулганеев М.Т. Археологические памятники Советского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII. Барнаул, 2009.